

- ¹⁰ Э. Э. Виолле-ле-Дюк отмечал: «Если фасад собора Нотр-Дам в Париже прекрасен в том виде, в каком он существует в настоящее время, нужно, тем не менее, признать, что всё было замечательно хорошо подготовлено, чтобы получить завершение в виде каменных спилей и что их отсутствие вызывает сожаление. В конструкции башен чувствуется сила, неоправданная, поскольку они ничего не несут» (*Виолле-ле-Дюк Э. Э. Указ. соч. С. 292*).
- ¹¹ *Viollet le Duc E. E. Dictionnaire raisonné de l'architecture française du X au XVI siècle. P., 1875. T. I–X; Dictionnaire raisonné du mobilier français de l'époque Carolingienne à la Renaissance. P., 1865–1874. T. 1–6.*
- ¹² *Виолле-ле-Дюк Э. Э. Жизнь и развлечения в средние века. СПб., 1999.*
- ¹³ *Гутнова Е. В. Историография истории средних веков. М., 1974. С. 149–153.*
- ¹⁴ Показательным представляется в этой связи свидетельство М. дю Канна о временах совместной работы Э. Э. Виолле-ле-Дюка и Проспера Мериме в Комиссии по охране исторических памятников: «Когда Мериме не мог определить время какого-либо щипца или пинакля, он советовался со своим другом Виолле-ле-Дюком и тот ему подсказывал и подсказывал всегда правильно» (Цит. по: *История европейского искусствознания. Первая половина XIX века. М., 1965. С. 53*).
- ¹⁵ *Виолле-ле-Дюк Э. Э. Жизнь и развлечения в средние века. С. 20.*
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ События современности со всей остротой поставили вопрос об охране исторических городов. В 1850–1860-е гг. осуществлялась грандиозная реконструкция Парижа, главным вдохновителем которой являлся префект департамента Сены барон Ж.-Э. Осман. Последний писал в своих воспоминаниях, что при прокладке новых улиц преследовал три цели – прямизну, симметрию, ориентир. Реконструкция Парижа привела к разрушению множества зданий. Одним из примеров этого подхода было создание прямоугольной площади возле собора Парижской Богоматери, позволившее любоваться шедевром готического зодчества в различных ракурсах, но имевшее следствием полное разрушение исторической застройки (см.: *Саваренская Т. Ф., Швидковский Д. О., Петров Ф. А. История градостроительного искусства. Поздний феодализм и капитализм. М., 1989. С. 220–225*).
- ¹⁸ Отмечая значение трудов Э. Э. Виолле-ле-Дюка для сохранения культурного наследия западного средневековья, следует отметить и то, что благодаря его чертежам и расчётам можно составить представление о памятниках архитектуры, разрушенных в годы Первой мировой войны. См. об этом: *Кирпичников А. Н. Виолле-ле-Дюк. Жизнь, деятельность, творчество // Виолле-ле-Дюк Э. Э. Жизнь и развлечения в средние века. С. 12–13.*
- ¹⁹ Именно Каркассон выступает в качестве одного из самых ярких образцов крепостных сооружений эпохи Средневековья в общих работах по истории градостроительства и архитектуры. См.: *Бартенев И. А., Батажкова В. Н. Указ. соч. С. 63; Саваренская Т. Ф. История градостроительного искусства. Рабовладельческий и феодальный периоды. М., 1984. С. 151–152, 162.*
- ²⁰ Примером противоположного рода может послужить Тулуза, вступившая после строительства прошедшей через неё железной дороги в период стремительного роста, который потребовал прокладки новых улиц, прорезавших средневековые кварталы, что привело к гибели уникальных памятников архитектуры (*Саваренская Т. Ф., Швидковский Д. О., Петров Ф. А. История градостроительного искусства. Поздний феодализм и капитализм. С. 228*).

УДК 94 (47). 08

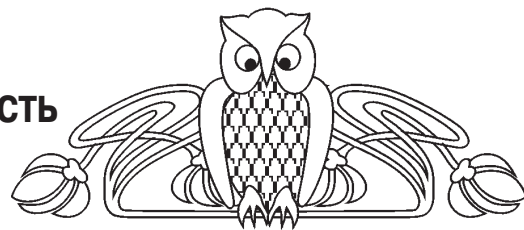
«ЗОЛОТОЙ ВЕК» МЕЩАНСТВА: МЕЩАНСКАЯ ГОРОДСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В 50–60-е ГОДЫ XIX ВЕКА

З. М. Кобозева

Самарский государственный университет
E-mail: zoya_kobozeva@mail.ru

В статье анализируется мещанская сословная повседневность провинциального города Самары в 50–60-е гг. XIX в. Период, предшествующий городской реформе 1870 г., обозначен как «золотой век» мещанской идентичности, так как именно в этот период мещанство было наиболее активно в рамках городского сообщества.

Ключевые слова: мещанство, повседневность, идентичность, сословие, город, «золотой век».

«Golden Age» of Meschanstvo: Urban Daily Routine
of Meschanstvo Estate in the 50–60s of the XIX Century

Z. M. Kobozeva

The article provides the analysis of the meschanstvo estate daily routine in the provincial Samara town in the 50–60s of the XIX century. The period of time which precedes the City Reform of 1870 is considered to be “the Golden age” of the meschanstvo estate identity due to the fact that in this very period of time meschanstvo acted especially actively within the town community.

Key words: meschanstvo, daily routine, identity, estate, town, «Golden age».

Самым сложным вопросом в изучении словесной жизни мещанства дореволюционного периода является проблема социальной идентичности людей, объединённых в рамках государственного правового определения. «Одним из главных источников путаницы при определении социальных категорий являлась... напряжённость между фискально-правовой политикой государства и экономическим развитием общества. В то время как налоговая и регистрационная политика были направлены на определение социальных границ, экономическое развитие и собственные правительственные образовательные потребности активно их стирали»¹.

Если встать на точку зрения, что в России при определении социальной идентичности определяющую роль играла сфера культуры, а не экономическое неравенство², то следует рассматривать проблему мещанской повседневности как культурологический феномен, помогающий определить психологию социальной группы в отношении своей идентичности и своего места в пространстве империи. После десятилетий объяснения исторической наукой социальной стратификации через призму классовой теории, а также в «чаду» современных подходов тотального теоретизирования весьма сложно прорваться в психологический мир «срединного чрева» городской жизни дореволюционной России, в психологию мещанства, чтобы понять, насколько перспективно с точки зрения модернизационных процессов было это сословие и каким образом люди мещанского круга определяли границы своего социального локуса. В этом отношении я солидаризируюсь с Ш. Фицпатрик, которая в отношении «молодых историков культуры», представителей школы «советской субъективности» пишет: «Их интересуют идеология и дискурс и увлекает в первую очередь теория. Меня интересуют социальная практика и повседневность»³.

Понятие «история повседневности» в последнее время несколько девальвировано описательными детализированными исследованиями, касающимися истории быта горожан, или, как об этом говорит О. Гавришина, «в текстах по повседневности, как художественных, так и вполне академических, обращает на себя внимание стремление к избыточно подробным описаниям, длинным перечислениям, бесконечным наименованиям, которые как бы не требуют действия и самим своим присутствием нечто значат»⁴. Данное явление вытекает из потери интереса к созданию тех или иных объяснительных моделей исторического процесса в связи с некой утомлённостью от макроисторических парадигм советской историографии. Для нас интересны вопросы конструирования социальной идентичности мещанства с точки зрения отождествления себя с некой группой и конструирование персональной идентичности, «кинувшее целью установить степень своей личности внутри категории»⁵. Рассмотрению

этого вопроса помогает анализ поведения людей в той или иной ситуации: в рутинной повседневности или же когда в силу чрезвычайных исторических обстоятельств «повседневность» взрывается событийностью, меняется хронотоп обывателя и социальный актор начинает искать новую социальную категорию, к которой он мог бы прибиться. Весьма перспективна в этом отношении, на мой взгляд, теория о повсеместной драматической самопрезентации социальных акторов⁶, однако в разные исторические периоды степень интенсивности социальной «игры» и социальной «маски» разная: метафора маски в ранний советский период более выразительна, чем, скажем, театральность обывателя в городском пространстве 50–60-х гг. XIX в., к примеру в границах самарского «шумного захолустья».

В отношении делопроизводительной документации, которая является основным источником данного исследования, весьма интересен период 50–60-х гг. XIX в. Оттолкнуться хотелось бы от отрывка из главы «Формирование “документального Я”» в советском быту» в монографии Ш. Фицпатрик: «Харре предлагает понятие “документальное Я” – данные и рассказы о человеке, его история, документированная в бюрократических бумагах, в досье, помеченных его именем... Подобные досье обычно содержат автобиографии, заявления о приёме на работу, характеристики. Копии свидетельств о рождении и браке, сведения о судимостях... Хотя у человека только одно реальное “Я”, его может сопровождать по жизни бесконечная толпа документальных “Я”, каждое из которых представляет какой-то аспект его личности, определённый соответствующим делопроизводителем»⁷. Несмотря на то что дореволюционная делопроизводительная практика не несла в себе семантической роли улики, тем не менее в 50–60-е гг. XIX в. мещанин как-то более эмоционально апеллирует в «градскую» думу, чем в последующий период, после реформы городского управления. В дальнейшем порвётся некая «пуповина», связывающая обывателя с властью: он перестаёт «плакать» во власть, исчезают патриархальные письма городскому «голове», исчезают вообще редкие для сословия, случайно попавшие в фонд городской думы письма мещан, исчезает рукописный текст и приходит эра печатной бумаги. По фондам городской думы и городской управы совершенно явственно пролегает водораздел между 60-ми и 70-ми гг. XIX в.: наивный и открытый человек превращается в дистанцированного и закрытого, коллективный – в «self made man».

Ш. Фицпатрик пишет, что «сословная структура оскорбляла образованных русских людей»⁸. Не пытаюсь опровергать данный тезис, хотелось бы обратить внимание, что «оскорбление» – достаточно сильная эмоция, которая так или иначе должна была бы проступить в источниках, касающихся мещанства – но она не обнаруживается

в документации 50–60-х гг. XIX в. Или же исходить из того, что под «образованными людьми» Фицпатрик подразумевает интеллигенцию, рефлексия которой не могла оставить следа в делопроизводственной документации городской думы. Для рядового мещанства 50–60-х гг. ощущение жизни «в сословии» было частью их социальной идентичности, определённого миропорядка и статус-кво. Н. Г. Помяловским в повести «Мещанское счастье» был введен тип людей, подобных ее главному герою Егору Молотову⁹, которые, получая образование, уходили из сословия, становясь разночинцами, которым свойственны и комплекс парвеню¹⁰, и оскорблённое сословностью чувство собственного достоинства, и желание сформулировать свою идентичность в виде достойной «социальной маски», чтобы не звучало вслед: «...этим людям кусок хлеба дай, и они что хочешь будут делать ... у них нет этого дворянского гонору ... манер нет...»¹¹

В качестве рабочей гипотезы можно было бы предположить, что рассматриваемый период являлся своего рода «золотым веком» мещанского сословия. И дело тут не столько в каких-то законодательных событиях, хронологически выделивших данный период, как в ситуации с «золотым веком» русского дворянства, сколько в определённом этапе сословной психологии, в изменении функциональной структуры русского города. Это касалось постепенного разрушения хронотопа провинциального замкнутого патриархального городского пространства, усложнения хозяйственной деятельности мещан, повышения их образовательного уровня и интенсификации социальной мобильности, причём все эти процессы происходили не «благодаря», а «вопреки» социальной политике власти.

До 70-х гг. XIX в. городская дума являлась неким официальным «чревом» мещанской жизни, регулирующим повседневные стратегии и практику сословного существования. Какой бы неэффективной и искусственной с точки зрения историографической интерпретации не выглядела её деятельность¹², градская дума в значительной степени организовывала быт мещан и купцов 3-й гильдии (после 1824 г. купцы 1-й и 2-й гильдии получили право отказываться от службы в сословных городских учреждениях)¹³.

Символическое значение в напечатанной повести Н. Г. Помяловского в 1861 г. в том, что текст обращён не внутрь, а вовне, является знаком не мещанства, а бегства от мещанства той его образованной части, которая латентно апеллировала к высокой культуре: «Посмотрите, как я страдаю в своей среде, обратите на меня внимание!» (и вот в этом-то случае как раз и можно говорить об оскорблённом сословностью чувстве). В определённой степени, Помяловского, давшего литературный знак мещанству, можно было бы отнести в категорию лиц «социально несуществующих»¹⁴

для мещанства как целостной структуры. И тем не менее для провинциального «ядра» мещанской самобытности в символическом плане был весьма показателен введённый в русскую культуру код иронического словоупотребления выражения «мещанское счастье» в значении узости обывательских интересов и отсутствия высоких стремлений. Как мне видится, тем самым мещанство не уходило «в тень», а, благодаря «возможности существования таких языков, которые позволяют говорить о своём как о чужом и о чужом как о своём»¹⁵, становилось выразительной частью российской истории, представляющей собой «синтез факта и смысла»¹⁶.

Таким образом, в 50–60-е гг. XIX в. мещанство более, чем в другие периоды своей сословной истории, обнаружило себя как коллектив, а следовательно, именно на этом этапе в большей степени проявилось его несформулированное самосознание, проявившееся в поведении, основой которого «становятся чувства частичности и причастности», «одновременное переживание себя и в качестве подобного универсуму целого, и как его части»¹⁷, в позднейший же период «в пространстве между коллективизмом и эгоизмом ... между стадностью и индивидуальностью»¹⁸ победит индивидуальность (одна из характерных черт модернизации) и мещанин воплотит в своей жизненной стратегии тексты поведения «self made man».

Стратегия повседневного поведения мещанства, с одной стороны, задавалась правовыми установлениями, с другой стороны, мещане «применяли и интерпретировали правовые формулы в ответ на различные обстоятельства, нужды и стремления»¹⁹. Формированию специфической социально-культурной идентичности мещанства в 50–60-е гг. XIX в. способствовала, как это ни покажется странным, сама формальная административная практика правового определения мещанства, сделавшего его весьма открытым для культурного взаимопроникновения через расширение круга лиц, могущих вступать в сословие.

Указом 1849 г. был облегчен переход государственных крестьян в городское сословие; в 1858 г. разрешено перечисление евреев в Сибири из государственных крестьян в мещане; Положение 1861 г. и закон 18 января 1866 г. подтверждали право вступления в мещанство сельских обывателей всех категорий; в 1835 г. осёдлым самоедам было разрешено вступать в сословие мещан; в 1842 г. крестившиеся евреи, а также вернувшиеся из Сибири ссыльнопоселенцы могли приписываться к мещанским обществам; в 1855 г. стали причислять к мещанству лиц, уволенных из цеха вольных матросов; в том же году было дозволено сосланным на проживание в отдалённые губернии записываться там в мещане; с 1833 г. стали записывать в мещане священнослужителей, лишённых духовного сана за преступления и по-

роки; с 1850 г. представители бывшей польской шляхты, не доказавшие дворянства, перечислялись в мещане; с 1852 г. дети личных дворян, не имевшие офицерских чинов, могли вступать в мещанство; перечислялись купцы, не выкупившие свидетельства; в мещанство могли вступать также все лица, имевшие право или обязанность избрать род жизни, – незаконнорожденные, подкидыши, не помнящие родства, церковные причётники, уволенные из духовного звания за пороки, жители польских губерний, переселившиеся в другие губернии, ссыльные, которым разрешено было вернуться из Сибири во внутренние губернии, уральские и среднеазиатские инородцы, принявшие православие, сосланные раскольники в случае их обращения в православие, солдатские и матросские дети и военные кантонисты, оставшие нижние воинские чины и т. д.²⁰

Таким образом, мещанство представляло собой такую «концентрацию активностей»²¹, которую удержать в сословных рамках мог только или очень мощный, или очень удобный символ, «скелетная система», которой присуща конструктивность, способная обеспечивать состояние взаимного тяготения элементам системы. Символом сословного духа становится мещанское общество – некая осознанная структура в исключительно фрагментированном социальном слое. Это была та стабильная структура, вокруг которой создавались социальные связи.

Другое дело, что податное состояние сословия налагало на мещанское общество отрицательную коннотацию, но она декомпенсировалась социальной ролью **дома**. А. П. Каплуновский начинает своё исследование мещанской общины Казанского Поволжья с 70-х гг. XIX в., связывая эту хронологическую границу с организационным выделением мещанской общины из состава городского общества и получением самостоятельного статуса²². Действительно, в первой половине XIX в. мещанское общество города организационно входило в градское общество и не имело статуса самостоятельного юридического лица. Городская дума наряду с городским хозяйством занималась и делами сословных обществ²³.

Реформа 1870 г. внесла изменения в деятельность мещанского общества. Дела отдельных сословий были изъяты из ведения городского управления и переданы в сословные органы, ставшие юридически самостоятельными. Однако «при декларированной самостоятельности деятельность этих сословных обществ находилась под контролем правительственных властей в лице губернатора, казённой палаты, а иногда и Министерства внутренних дел»²⁴. По городскому положению для заведования делами общества учреждались мещанские управы.

Таким образом, казалось бы, всё говорит в пользу отсчёта так называемого золотого века мещанства начиная с 70-х гг. XIX в. В этой связи хочется привести высказывание В. И. Ленина:

«Никакого золотого века позади нас не было, и первобытный человек был совершенно подавлен трудностью существования, трудностью борьбы с природой»²⁵. Если рассматривать историю людей с точки зрения эволюции законодательства, очерчивающего их жизнь, то действительно, когда возникает больше сословных полномочий, больше прав – тогда и «золотой век». Но если под понятием «золотой век» понимать мифологическое представление о «счастливом и беззаботном состоянии первобытного человечества», когда, как у Гесиода, «жили те люди, как боги, с спокойной и ясной душой, горя не зная, не зная трудов ... А умирали как будто объятые сном...»²⁶, то есть в качестве критерия выделения «золотого века» учитывать психологические импульсы источника, диктующего сюжеты мещанской повседневности 50–60-х гг. XIX в., создаётся стойкое впечатление, что именно в границах дореформенного городского общества наиболее отчётливо проявились константы «мещанского рая», или «золотого века»: дом, семья, работа в городе (базар), порядок. Каждая из данных констант предполагает отдельное серьёзное исследование, поэтому в рамках данной статьи ограничусь зарисовками на тему, архивными впечатлениями.

Дом. Мещанская семья обычно жила в собственном небольшом деревянном доме или флигеле. В большинстве губернских городов в 60-е гг. мещанам, отставным солдатам принадлежало до 75% домостроений²⁷. Некоторые мещане владели двухэтажными домами, в которых жилое помещение соединялось с торговым, расположенным на первом этаже. Данные факты подтверждаются обывательской книгой г. Самары за 1855 г.²⁸ При работе с данным документом поражают удивительная терпеливость и упорство мещан. Самара часто горела, особенно в тот период когда создавалась обывательская книга. В данном источнике прослеживаются весь путь владения домом от прежних хозяев к нынешним и дальнейшая перестройка. Притом что, судя по графе обывательской книги, касающейся «промысла» владельцев недвижимости, большинство было занято чёрной работой, дома после пожара в ближайшие годы отстраивались заново, люди стремились выстроить дом каменный или на каменном фундаменте²⁹. В данном источнике мещанский дом выступает весьма символически – как внешняя оболочка. Дается подробное описание «путешествия» этой оболочки во времени, но во внутреннее пространство дома мы попасть не можем. Мещанин не обязан демонстрировать власти (а обывательская книга составлялась как документ административного и сословного учёта городского населения) свой частный домашний мир, он вообще не стремится его показывать, хотя, замечу, городской образ жизни предполагал «открытые двери» (основным видом мещанских городских девиаций были кражи, в документах часто указывается, что вещи

украдены из незапертой квартиры и т. д.). «По мере развития цивилизационного процесса ... индивидуалистические аспекты жизни в доме приобретают всё большую значимость, порождая идеи уединения, комфорта, вообще домашнего быта ... воспринимаемый таким образом дом становится поэтому не только укрытием и приютом, но ещё и «удобством и удовольствием»³⁰. Таким образом, мещанство утверждается в городе, завоевывает своё сословное (сообщественное) пространство как некую маргинальную респектабельность, которую давало владение дворовым местом и домом (даже если это ветхая изба).

Семья. Мещанская делопроизводственная документация – весьма специфический источник для исследования антропологии семьи, так как в ней сюжеты, связанные со взаимоотношениями внутри семьи, выглядят скорее как намёки на то, что характеризовало семейный быт. Главный вопрос, касающийся семейного быта, связан с трансформацией традиционной патриархальной этической модели взаимоотношений мужчины и женщины в городском пространстве, подверженном инновациям. Достаточно часто встречаются дела о незаконнорожденных детях, причём в тех случаях, когда известно имя матери, источник не содержит даже косвенных отрицательных коннотаций в отношении женщин, родивших «во грехе». Сами матери незаконнорожденных детей, установившие в дальнейшем свои матримониальные отношения, не испытывают страха или смущения при пересказе жизненных историй об отдаче незаконнорожденного ребёнка в другую семью. Другой часто встречающийся факт – когда мужья усыновляют незаконнорожденных детей своих жён. Усыновление незаконнорожденных детей и приёмных нельзя однозначно интерпретировать в этическом плане, так как часто за этим скрывался прагматический интерес, связанный с перспективой рекрутской повинности.

Зависимость жён от мужей подчёркивается паспортной системой. В 1853 г. было разрешено включать мещанок в паспорта их мужей. Без согласия мужа женщине не выдавался отдельный вид на жительство, только девицам или вдовам. Часто в делопроизводственной документации встречаются требования мужей не выдавать паспортов жёнам, которые, по их заявлениям, уже давно живут отдельно и безнравственно. В ответ на это жёны пишут мещанскому старосте (или позднее в управу), что муж пил и отказывался содержать, поэтому и пришлось идти в услужение или в другой город на заработки.

Отношение к старости – ещё один важный момент в семейной этике. «Распад универсальной картины мира с присущей ей религиозной доминантой не только способствовал обособлению личности»³¹, но и приводил к нарушению традиционной этической нормы патриархального семейного уклада – заботы о престарелых членах семьи. Возможно, это происходило и оттого, что

городская среда в XIX в. на фоне земледельческой культуры выступала как маргинальное образование³² со свойственными маргиналам текстами поведения. Старость в городе при отсутствии семейной поддержки и средств к существованию была равносильна медленной смерти. На детей возлагались надежды социальной опеки. Давать средство к содержанию – основной мотив межпоколенческого взаимодействия в семье. Марфа Парфёновна Бередникова решила причислить к своему семейству зятя, Герасима Васильевича Борисова, и «приняла» его в свой дом на том основании, что никаких родных у неё, кроме дочери и зятя, нет, а зять «оказывает мне должное уважение и послушание, своими трудами даёт мне средство к содержанию так как бы родной сын и управляет домохозяйством с большою прилежностью и заботливостью»³³.

Как бы ни хотелось «сбежать» от дискурса Горьковских «Мещан» – не получается (по крайней мере применительно к рассматриваемому периоду). Основные компоненты мещанской этики – бережливость и умеренность, расчётливость и деловитость – определяют лейтмотив мещанской повседневности, но с многочисленными вариациями «на тему» и не менее многочисленными девиациями. Мещанский тип личности – без отрицательных коннотаций – действительно свойствен мещанскому сословию, и имеет смысла перманентно стеснительно уточнять, что под мещанином подразумевается не всякий житель города, а явление «с совершенно особенным характером души», «тип, а не сословие»³⁴.

Характеристика «мещанского типа личности» вполне соответствует образу жизни и картине мира мещанского сословия середины и второй половины XIX в.: «...мещанин поглощён хозяйственной деятельностью, делая её предметом своего постоянного внимания ... что приводит к отказу от праздности как важного признака традиционной, т. е. докапиталистической культуры ... мещанин начинает ценить время. Следующая черта мещанина – его особая бережливость, которая и ассоциируется с хозяйственностью. Бережливость соседствует с умеренностью, благопристойностью и разумностью. Однако более значимая черта мещанина – критерий полезности, в соответствии с которым он оценивает мир»³⁵. Только следует уточнить – подобная картина мира обусловлена не особым складом души, а необходимостью выживать в социальном пространстве города. В делах фонда городской думы встречается значительное количество сюжетов, касающихся жалоб стариков-родителей на детей, оставивших их без опеки. Но в 50–60-е гг. XIX в., тем не менее, не встречается делопроизводственных материалов, из которых видна какая-то устрашающая социальная незащищённость стариков и больных. Такие сюжеты появляются позднее, в делопроизводстве городской управы.

Приведу для контраста две истории. Самарская мещанка М. Н. Ефимова, «очень хилая, дряхлая, к труду неспособная», жила бесплатно в квартире мещан Зиминых «из сожаления», пока они не обратились с просьбой принять её в богадельню. Единственный сын умер от холеры, муж торговал на рынке ветхой одеждой и тоже умер. Пока были силы, женщина торговала на Троицкой площади пельменями, потом стала собирать милостыню на паперти Троицкой церкви. В конце концов добрые люди ей помогли и устроили в богадельню³⁶. Или ещё одна зарисовка «мещанской старости». Священник Иоанн Беневальский писал в богадельню: «Вчера у парадной двери моей квартиры улеглась ночевать самарская мещанская вдова Ксения Фёдоровна Филиппова, имеющая от рождения 90 лет ... Я позволил ей ночевать в холодном помещении на дворе моей квартиры ... Но теперь, когда настало холодное время, ей жить негде. Я сам с семьёй по случаю ремонта квартиры живу в холодном помещении ... дошедшей до детского состояния, она может замёрзнуть и умереть. Прошу взять её от меня сегодня же»³⁷. Достаточно трудно «заглянуть в замочную скважину» мещанского семейного быта, чтобы понять отношения внутри семьи. Один из способов проникновения в этот мир – вопрос о границах: насколько по мере усложнения организма города сужались границы семейного мира, насколько легитимизировано было частное пространство мещанина, кто отторгался и кто осуждался этим внутрисословным локусом.

Порядок. Под порядком следует понимать не столько отрефлексированную сословную нравственность, сколько особый этос повседневной жизни, обеспечиваемый дисциплинарной компетенцией мещанского общества – правом исключать из своей среды порочных и за развратное поведение³⁸. «Противузаконную» игру в деньги «допустили» в гостинице содержатель Крутицкий с мещанином Башкатовым, казачку Кручинину избил мещане Карп, Егор и Екатерина Ивановы, мещанина Деткова избил чиновник Горячев – данные дела в 1857–1860 гг. разбирались мещанским обществом³⁹.

Городской голова являлся своего рода центром притяжения мещанства, объектом апелляции к справедливости и помощи. Обращения мещанства к городскому голове имели характер частных посланий (именно в период 50–60-х гг. XIX в.), в дальнейшем стиль обращения «во власть» становится обезличенным и лишённым этого в некоторой степени интимного колера. Так, самарскому городскому голове М. И. Назарову мещанин В. И. Дьячков писал: «Дозвольте Ваше Высочество объяснить Вам мои бедственные и неожиданные последствия. Казанский земский исправник через отношение своё просит самарскую городскую полицию выслать меня посредством внутренней стражи к приставу первого стана Казанского уезда»⁴⁰. Далее излагалась исто-

рия о том, как Дьячкова, по его словам, несправедливо обвинили в том, что в бытность сельским писарем Чурилинского общества он якобы выдал крестьянам хлеб из магазина. Дьячков уверяет, что это происки тамошнего зрителя Рахметулина, который, оказавшись перед угрозой обнаружения растраты, решил всё свалить на него. В данном прошении на имя самарского головы обращает на себя внимание другое – чувство собственного достоинства и страх перед перспективой потерять доброе имя среди сообщественников. Дьячков далее просит, если не получится его защитить, то пусть голова хотя бы поспособствует тому, чтобы из Самары его не отправляли как арестанта: «... я обяжусь сам отправиться на наёмных подводах непременно»⁴¹.

Данный момент, связанный с так называемым арестантским передвижением по стране, был достаточно болезненным в мещанской повседневности и рефлексии. Подобные ситуации возникали, когда мещанин по той или другой причине оказывался вне своего места жительства без соответствующего документа. Мещанство, будучи свободным сословием, тем не менее не имело права на беспрепятственное передвижение⁴². «Переезд на новое жительство, отлучка из города “по хозяйственным делам” всегда сопровождалась необходимостью получения для этого разрешения»⁴³. Это контролировалось выдачей мещанам «срочных» паспортов с «пропиской», в отличие от бессрочных паспортов, которые получали лица неподатных сословий⁴⁴. Ситуация с мещанином Абрамом Мухлиным иллюстрирует, что перспектива быть доставленным домой «по этапу» в принципе могла быть у любого мещанина: или человек уезжал по своим торговым делам, задерживался там, высылал почтой деньги для получения нового вида на жительство, а почта не доходила до адресата, или ему по каким-то неясным обстоятельствам выдавался подложный билет. Так, Мухлина в Уральске задержала полиция с фальшивым паспортом. Он объяснял это следующим образом: «... в бытность свою в Самаре ... вошёл в одно присутственное место и получил от неизвестного писаря, оказавшегося при нём, паспорт, а билет его оставлен им у себя, сказав при том, что паспорт этот выдаётся ему из Думы за который взял с него 3 рубля серебром ... фальшивый или нет этот паспорт сказать не может, так как принял его за действительный»⁴⁵.

Помимо городского головы другим лицом мещанского мира, выполнявшим социальную роль «защитника», выступал мещанский староста. За обращениями мещан к, скажем, «милостивому государю Никанору Семёновичу» трудно угадать личность самого Никанора Семёновича. Он как бы надсоциален, его социальная роль носит предписывающий характер, но это вовсе не означает, что «посредством социализации человек “входит” в социальную роль и обучается

правильному её исполнению»⁴⁶. На самом деле мещанский староста оказывал «активное воздействие на окружающую культурную среду»⁴⁷ в ходе социального взаимодействия внутри мещанского общества. Переписка мещан со старостой сохранилась односторонняя – только на имя старосты при полном отсутствии ответных писем. Но для изучения мещанства, признанного «безмолвствующим» сословием, чрезвычайно интересен этот всплеск эпистолярной активности, хронологически ограниченный 50–60-ми гг. XIX в. Стиль и содержание писем были приблизительно следующими: «Милостивый Государь Никанор Семёнович! Прочитав Ваше письмо от 12 сентября, переданное мне от Анисима Ивановича, мне очень приятно было читать ... оное, из коего вижу, что (Вы) ... приняли со своей стороны участие в моём положении. Я первым делом поставлю себе в непременную обязанность засвидетельствовать Вам лично чувствительную благодарность ... (и далее – о помощи в получении паспорта и погашении недоимок. – З. К.) ... приходит голодное время и я не имею ничего на себя надеть тёплого и другой одежды и где бы я взял платить подати ... но теперь ... постараюсь прежде уплатить подать, а потом буду надеяться на Бога что подаст пищу алчущим его ... нагим шести душ ... можно бы ещё надеяться на прокормление себя, да зрение глаз и здоровье ненадёжны ... Простите моей откровенности которой я может быть Вам наваял скуку и не удовольствие а для болящего только тогда и бывает отрада когда говорит с лекарем подобно и я имею отраду передавать Вам мои чувства о своём несчастном положении...»⁴⁸

Таким образом, с одной стороны, воздух города делал связанных с ним людей свободными от чувства смирения и подавленности, носителями судьбы, демонстрирующими свою активность⁴⁹, а с другой – пространство города, актуализируемое властью, колонизируемое деревенской традиционной культурой, изживало «пассионарный потенциал», чтобы в функционировании государства он не был помехой⁵⁰. Ослабление импульсов традиционной религиозности переносило часть сакрального мироощущения на административные институты, в границах которых мещанин пребывал не меньше, чем в церкви. Оставалось уповать на рационализм. И «под его натиском» складывается синкретический мир, усиленный реформами 70-х гг. XIX в., вместе с которыми заканчивается «золотой век» мещанства.

Примечания

- ¹ *Виртшафтер Э. К.* Социальные структуры : разночинцы в Российской империи. М., 2002. С. 52.
- ² Там же. С. 65.
- ³ *Фицпатрик Ш.* Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. М., 2011. С. 17.
- ⁴ *Гавришина О.* Повседневность во множественном числе // *Объять обыкновенное : Повседневность как текст по-американски и по-русски : материалы VI Фулбрайтской гуманитарной летней школы.* М., 2004. С. 13.
- ⁵ *Фицпатрик Ш.* Указ. соч. С. 21.
- ⁶ Там же. С. 23.
- ⁷ Там же. С. 24.
- ⁸ Там же. С. 89.
- ⁹ См.: *Помяловский Н. Г.* Мещанское счастье. Очерки бурсы. М., 1981. С. 68.
- ¹⁰ Об этом комплексе эмоций и текстах поведения см.: *Паперно И.* Семиотика поведения : Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. М., 1996.
- ¹¹ *Помяловский Н. Г.* Указ. соч. С. 68.
- ¹² См.: *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 178–179.
- ¹³ Там же. С. 179.
- ¹⁴ *Лотман Ю. М.* Непредсказуемые механизмы культуры. Таллинн, 2010. С. 55.
- ¹⁵ Там же. С. 16.
- ¹⁶ Там же. С. 27.
- ¹⁷ Там же. С. 59.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ *Виртшафтер Э. К.* Указ. соч. С. 170.
- ²⁰ См.: *Иванова Н. А., Желтова В. П.* Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века). М., 2009. С. 454–458.
- ²¹ *Почепцов Г. Г.* История русской семиотики до и после 1917 года. М., 1998. С. 25.
- ²² См.: *Каплуновский А. П.* Русская мещанская община в городах Казанского Поволжья, 1870–1918 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М., 1998.
- ²³ См.: *Кошман Л. В.* Город и городская жизнь в России XIX столетия : Социальные и культурные аспекты. М., 2008. С. 216.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Цит. по: *Мифы народов мира.* Энциклопедия. Т. 1. А–К. М., 1994. С. 472.
- ²⁶ *Мифы народов мира.* Т. 1. С. 471.
- ²⁷ См.: *Кошман Л. В.* Указ. соч. С. 264.
- ²⁸ См.: Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. 170. Оп. 6. Д. 120. Обывательская книга губернского города Самары. Первая часть. Имеющим недвижимую собственность.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ *Ванн Баак Й.* Дом и мир // *Антропология культуры.* Вып. 3. М., 2005. С. 40–41.
- ³¹ *Хренов Н. А., Соколов К. Б.* Художественная жизнь императорской России (субкультуры, картины мира, ментальность). СПб., 2001. С. 38.
- ³² Там же. С. 73.
- ³³ ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 6. Д. 326. Л. 1.
- ³⁴ *Хренов Н. А., Соколов К. Б.* Указ. соч. С. 109.
- ³⁵ Там же. С. 113.
- ³⁶ См.: ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 928. Л. 50.
- ³⁷ Там же. Л. 73.

³⁸ См.: Иванова Н. А., Желтова В. П. Указ. соч. С. 398.

³⁹ См.: ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 6. Д. 493. Л. 42.

⁴⁰ Там же. Д. 493. Л. 48.

⁴¹ Там же. Л. 48 об. – 49.

⁴² См.: Кошман Л. В. Указ. соч. С. 209.

⁴³ Там же.

⁴⁴ См.: Иванова Н. А., Желтова В. П. Указ. соч. С. 461–462.

⁴⁵ ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 6. Д. 493. Л. 155.

⁴⁶ Гидденс Э. Социология. М., 2005. С. 39.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ ЦГАСО. Ф. 217 (Мещанской управы). Оп. 1. Д. 26. Л. 1021 об. – 1022 об.

⁴⁹ См.: Хренов Н. А., Соколов К. Б. Указ. соч. С. 247–248.

⁵⁰ Там же. С. 251.

УДК 75(4–15) (09)

«БАЛ В МУЛЕН ДЕ ЛА ГАЛЕТТ» П. О. РЕНУАРА: ГОРОДСКИЕ УВЕСЕЛЕНИЯ В ИСКУССТВЕ ИМПРЕССИОНИСТОВ

Н. С. Креленко

Саратовский государственный университет
E-mail: krelenko@mail.ru

Автор статьи использует в качестве визуального источника произведение изобразительного искусства. Картина великого художника-импрессиониста П. О. Ренуара «Бал в Мулен де ла Галетт» позволяет увидеть сценку парижского быта последней трети XIX века.

Ключевые слова: история культуры, урбан история, импрессионизм, П. О. Ренуар.

«Dance at Le Moulin de la Galette» by P. O. Renoir:
Urban Amusements in the Impressionist Art

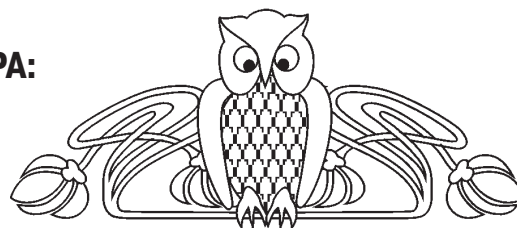
N. S. Krelenko

The author of the article uses an artwork as a visual source for the research. The painting *Dance at Le Moulin de la Galette* by the great impressionist artist P. O. Renoir allows studying the scene from daily life in Paris in the last third of the 19th century.

Key words: history of culture, urban history, impressionism, P. O. Renoir.

Рассказать о жизни людей прошлого могут самые разные источники, надо только старательно их изучать. Так, живописные полотна – это не только проявление творческого самовыражения художника, но свидетельство внешних примет времени (чем люди занимались, как развлекались, как одевались), которые создают видимый образ прошлого, тех его черт, которых не способны воссоздать письменные источники, ни официальные, ни личные. Трудно передать словами цвета и формы видимого мира, каждый читающий немного по-своему вообразит описываемое лицо, фигуру, позу человека. Визуальные источники делают такие образы наглядными. Кроме того, они дополняют источники письменные, передавая чувства и настроение, владевшие теми, кто изображен на них, и теми, кто их изображал.

Урбанизация западного общества в XIX в. переживала качественно новый этап. В ту пору города не просто росли в числе и размерах – меня-

лась структура городского пространства, менялся уклад жизни его обитателей. Определенная роль в осмыслении этого процесса принадлежит визуальным источникам. Это особенно касается Парижа, ставшего во второй половине XIX в. культурной столицей западного мира.

В середине столетия Париж стал вторым «миллионником» среди европейских городов. Причем население французской столицы выросло с 1 млн человек до 1,9 млн за небольшой срок с 1851 по 1881 г. Произошло это за счет присоединения к городу в 60-х гг. нескольких пригородных территорий¹. Особое место среди этих территорий принадлежит Монмартру (Холму мучеников) – возвышенности, продуваемой ветрами, где в прежние времена среди полей и огородов мелькали крылья нескольких десятков (около 30) ветряных мельниц. Новая городская территория располагалась в часе пешего хода от центра столицы, а представляла собой сельский уголок, имеющий даже свои маки², населенный огородниками, ремесленниками и рабочими. Конный транспорт на Холм не забирался, приходилось полагаться на собственные ноги. Зато жилье здесь было дешевым (правда, лишенным каких-либо признаков комфорта, таких как отопление), продукты тоже дешевыми и свежими; свежим был и воздух, многочисленные сады, палисадники, огороды создавали своеобразный природно-обжитой ландшафт.

Сюда за дешевизной и натурой потянулись представители разных творческих профессий, люди, как правило, богатые идеями, но не деньгами. Так что число обитателей Холма быстро росло. Складывался особый уклад жизни, в котором переплетались отголоски деревенских и городских нравов.

Художник Огюст Ренуар (1841–1919) был поклонником всего натурального, естественного, искреннего, к Монмартру он проникся сначала интересом, а потом привязанностью, проявившейся в том, что большую часть жизни художник прожил